

Воспоминания очевидца событий о фашистской
оккупации деревни Татинки Епифанского района.

ТОГДА, ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

ЭТО БЫЛО...

Юбилейная дата всколыхнула память богородчан, далекую, тревожную память, которую не стерли даже пять десятилетий. Она в семейных разговорах и зачастую в редакционных письмах. И это естественно. Нет у нас в России такой семьи, где бы война не оставила свою отметину.

Читаю в «Богородицких вестях» воспоминания людей, переживших оккупацию, и сама вспоминаю пережитое полвека назад. Жила я, правда, не в городе, а в деревне Татинки соседнего, Епифанского, района. Мне было шестнадцать лет, окончила 2 курса Епифанского педучилища.

Летом работала в колхозе. 22 июня — война. Первого сентября, вместо начала занятий, наше училище направили на уборку урожая, в д. Крутое: день — в поле, а вечером — обоз зерна в Епифань. О войне читали в газетах, доходили до нас слухи — было страшно. Потом разошлись по домам. Помню ходили молотить, после работы зерно делили, что потом очень помогло выжить.

Из Москвы приехала подруга, она была постарше меня. Однажды приходит, спрашивает: «Ты комсомолка?», «Да», — отвечаю. «Так вот, райком комсомола поручил мне найти помощника, надо собирать деньги на танк». (Полина Симачева, она ушла добровольцем на фронт, была связисткой, погибла). Пошли по деревне, все давали нам деньги, особенно запомнился дядя Тармен Багрянов, он очень душевно к нам отнесся и дал денег гораздо больше, чем другие.

А война все приближалась, и страх все более охватывал, сердце сжималось — доходили слухи о бесчинствах немцев. Шла эвакуация, хотелось бежать, но куда? с кем? как? Директор школы с. Монастыршино, говорили, ждала, что за ней заедут, не дождалась, не выдержали нервы — повесилась.

13 ноября собрались мы, человек пять женщин, и пошли в лес за дровами. Под вечер возвращаемся с вязанками — слышим, какой-то гул непонятный. Навстречу нам на лошади, запряженной в сани (был уже снег), двое прилично одетых мужчин. Спрашивают у нас дорогу на большак. Мы объяснили, как проехать. А гул все сильнее и ближе. День короток — темнеет. Добрались до дома, не прошло и часа — стук в дверь, окна, незнакомая лающая речь... Немцы!

Заполнили всю нашу деревню. У нас в доме тесно, набилось восемь немцев, в легком обмундировании, чистенькие, застелили полы соломой. Нам осталось место только на печке. Сон неспокоен, страшно. Один немец часто вскакивал и все финку в солому вонзал, видно что-то его беспокоило: может быть, с соломой вместе прихватили мышь. Была очень злой, каждый день отпиралась в окрестные деревни на добычу и что-то привозил. Однажды вернулся на серой лошади.

В школе у них была кухня-столовая. Готовили и дома. Печка дымилась, решили ее переложить и посылают братиш-

ку — ему 13 лет было, — как я поняла, за раствором. А он не поймет, что от него хотят. Тут вырвалось у меня что-то вроде «Ду бист...». Окружили сразу, взгомонились: «Москва, Ленинград — капут. Откуда немецкий язык знаешь? А знала я всего ничего, объяснила, что училась в Епифани.

Брат как-то вечером где-то задержался ненадолго. Они его в оборот взяли — партизан — и предупредили: если повторится, то ему капут.

Было тесно, мы в основном находились у соседки, немцы там не поселились — было грязно, маленькие дети, скотина в доме. И еще, видимо, их потому так много у нас поселилось, что в соседнем доме жил какой-то высокий чин. Там всегда много охраны — около дома было.

Были эпизоды. Как-то немец взял меня за руку, рывком посадил на свои колени и хохочет. Мама побледнела, тянет меня к себе, а он не отпускает. Потом отпустил, хохочет — я была в шоке. Он доволен. И еще. Приходит к нам председатель колхоза (его назначили старостой) с переводчиком. Говорит маме: надо отнести в школу муку немцам на хлеб. Мама (она учительницей работала в соседней деревне) говорит: «Куда ты привел? Ты отлично знаешь, что у меня нет муки». (До войны учителям продавали хлеб в магазинах). Переводчик: «Матка не хочет дать хлеб немецкому солдату?». Председатель: «Она школьная работница, муки у нее нет». Ушли. А мы в себя прийти не можем.

Число «13» повторяется. Эти немцы ушли, пробыв восемь дней. Других было пятеро и прожили пять дней. Эти уже в потрепанном виде, обмороженные, в легком обмундировании, но закутанные русскими клетчатými шальями. Видно, из медсанбата. 28 ноября они уехали, а первого декабря — поджигатели. Что успели — мы вынесли, надеялись дом отстоять, но они долго не уходили, ждали, когда из окон красивого соседнего дома вырвется пламя — фотографировали. Уже занялись у нашего дома обрешетки, рухнула внутренняя стена, обвалился потолок. Железо краснело, свертывалось в рулоны и летело на землю — не подойти. Нас приютили родственники, им удалось отстоять потолок. Жили в доме четыре семьи.

В начале декабря пришли наши, сибиряки в белых полушубках и серых валенках. Одну ночь задержались в деревне. Потом видно было зарево и слышны раскаты орудийных залпов на западе. Я две недели пролежала: болело все, особенно голова. Счастье наше, что не успели дойти до нас каратели, не было эсэсовцев и полицеев...

В. БОДРОВА.